

Русский

АРЛЕКИН

Елена Булганова

МАМИНА ДОЧКА

*Душа моя — чуждая душа,
как чуждая душа,
как чуждая душа,
как чуждая душа...*

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Елена Булганова

Мамина дочка

«Центрполиграф»

Булганова Е.

Мамина дочка / Е. Булганова — «Центрполиграф»,

Сима никогда не знала своего отца. Центром ее вселенной была яркая, неординарная, ни на кого не похожая мама. Она внушала дочери, что женщина должна отводить мужчинам как можно меньшую роль в своей судьбе. Сима была бы рада следовать материнским советам, но однажды на ее жизненном пути появился Марк...

Елена Булганова

Мамина дочка

Моя мама всегда была отчаянной экстремалкой. В гораздо большей степени, чем я, ее родная дочь.

Помню, когда мне было восемь лет, а маме соответственно тридцать три года, в наш маленький городок приехал луна-парк. В субботу мама разбудила меня на рассвете, наскоро покормила, и через час мы уже влились в толпу взрослых и детей, движущихся в сторону парка. Помню, как дети тащили за собой родителей, а те следовали за ними с недовольными и даже сердитыми лицами. А в нашей группке именно я отставала от мамы, шаркала сандалиями об асфальт и спотыкалась на ровном месте. Взор мой был прикован к возвышающемуся над деревьями страшному изгибу американской горки, в животе заранее холодело от криков тех, кто в хлипких тележках медленно подползал к роковой точке, чтобы затем сорваться в стремительное пике. Мама по дороге рассказывала мне о том, как когда-то со своими родителями ходила кататься на такой вот горке. Бабушка и дедушка быстро вышли из строя, добрые люди освободили им два места на скамеечке и принесли воды. А мама все каталась и каталась, ее подсаживали в тележку ко всем одиночкам, оказавшимся в очереди.

Пока она все это мне рассказывала, подошла наша очередь. К тому времени я уже просто изнемогала от страха, ноги подкашивались, в животе бурлило. Когда перед нами оставалась пара человек, я схватила маму за руку и взмолилась:

– Мамочка, может быть, ты покатаешься сама? Мне сегодня что-то не хочется...

Мама посмотрела на меня внимательно и сказала обычным голосом слова, поразившие меня в самое сердце:

– Боишься, что эта штука развалится? Но, Симочка, не лучше ли нам с тобой в любом случае оказаться вместе? Случись что со мной, с кем ты останешься на этом свете?

Я была поражена и уничтожена настолько, что машинально села в подъехавшую тележку и даже не пискнула, когда она с огромной скоростью понеслась с вершины вниз. Только за голову схватилась обеими руками: мочки ушей чуть не оторвались вместе с сережками. По комнате страха я путешествовала с закрытыми глазами, очередь за мороженым отстояла рядом с мамой без всякого интереса. Сердце мое разрывалось от страха и недоумения. Как могла мама сказать такое?

«Неужели моя мама совсем не любит меня? – терзалась я вопросом. – Ясно, что любая нормальная мать согласится пожертвовать жизнью ради своего ребенка. Об этом в книжках пишут и по телевизору показывают. А моя говорит, что лучше мне умереть вместе с ней...»

В душевной смуте я провела остаток дня. Мама, конечно, заметила, что со мной творится что-то странное, но ничего не спросила, только время от времени посматривала на меня с недоумением. Когда я легла в постель и мама зашла поцеловать меня на ночь, я дернулась от ее прикосновения, отползла к стене и разрыдалась.

Мама опустила на край кровати, сложила ладони лодочкой и поднесла к моему лицу:

– Давай-ка соберем твои слезки для воробышков. Они как раз сели пить вечерний чай и очень хотят закусить чем-нибудь соленьким.

Негодую, я рывком перевернулась на другой бок, натянула одеяло на голову и продолжила подвывать. Мама еще минуту сидела молча, потом поцеловала меня в макушку и тихонько вышла из комнаты. Конечно, после ее ухода мне стало еще хуже. К прежним горестям присоединились мысли о голодных воробышках и о том, что я огорчила маму. Я тут же стала составлять план, как вернуть маму обратно. Можно будто нечаянно пихнуть ногой прикроватную тумбочку, она опрокинется, и мама прибежит на шум. Но я знаю свой дурацкий характер: при маме опять буду дуться и молчать, и получится только хуже. Уж лучше страдать в одиночестве.

Минут через десять слезы сами собой перестали литься, а в голову полезли вполне разумные мысли.

Я вдруг подумала, что на всем белом свете у меня действительно нет никого, кроме мамы. Мои дедушка и бабушка умерли друг за дружкой прежде, чем я появилась на свет. Я видела их только на фотографиях: еще совсем не старые люди, но какие-то ненастоящие, словно и не жившие, а только отметившиеся на земле. О своем отце я не имела ни малейшего представления, даже имени не знала. Мама говорила о какой-то потерянной родне, даже пыталась отыскать ее через газету, но из этого ничего не вышло. Получалось, что, если с мамой случится что-нибудь ужасное, мне останется одна дорожка – в детский дом.

Конечно, в фильмах это заведение всегда показывали в самом лучшем виде. Только я в это не слишком верила, – детский дом был и в нашем городке, и я хорошо представляла его воспитанников, озлобленных, плохо одетых, ненавидящих всех детей, живущих в нормальных семьях. Но даже если будет такой детский дом, как в фильмах, жить все равно придется в общей комнате, и все мои книги и игрушки тоже окажутся общими. Тогда никто не придет вечером, чтобы почитать мне книжку, поболтать и поцеловать перед сном. Никто не станет гулять со мной вечерами вокруг дома, никто не поможет делать уроки, никто не станет шить мне из тряпок разноцветных кошек и птичек. Никто, никто... От этих ужасных мыслей я заревела так, что за стеной содрогнулись соседи...

Через секунду в комнату вбежала мама в ночной рубашке и крикнула с порога:

– Что с тобой, Сима?

Я вскочила с кровати, бросилась к маме, обхватила ее крепко за шею и закричала:

– Мамочка, если с тобой что-нибудь случится, не оставляй меня одну! Пусть лучше я умру вместе с тобой, как ты сегодня в парке сказала! Я ни за что не стану жить в детском доме!

Мама обняла меня, похлопала по спине, потому что я просто задыхалась от плача и крика. А потом сказала очень спокойно, даже удивленно:

– Симочка, родная, да что со мной может случиться? С какой стати? Разве я не выгляжу лучше, чем мамы твоих одноклассников?

Это была чистая правда. Всем другим мамам в нашем классе было меньше тридцати, и все они рядом с моей мамой выглядели настоящими старухами, толстыми, некрасивыми, с больными ногами и морщинистыми лицами. Они то и дело болели и лежали в больницах. Моя мама не болела ничем и никогда. Других мам я вечно видела озабоченными, сердитыми, недовольными всем на свете, особенно собственными детьми. А моя мама смеялась, даже когда у нее в автобусе вытащили кошелек и мы целый месяц прожили на голодном пайке.

Вспомнив все это, я почти успокоилась, перестала икать и захлебываться и перешла к стадии сладких и счастливых слез. Мама не мешала мне плакать, она обнимала меня и над чем-то тихонько посмеивалась. В открытое окно свободно заглядывали ветки сирени, бесконтрольно разросшейся в садике у дома, пахло чем-то летним, хвойным, сладким. Потом мы вместе пошли на кухню пить наш любимый яблочный чай (в заварку добавляются свежие яблоки).

Я тогда и представить не могла, что всего через восемь лет произойдут события, чудом не разлучившие нас с мамой прежде, чем истекут отмеренные нам на земную жизнь сроки...

Мне исполнилось шестнадцать, я только что закончила девятый класс. Впереди было целое лето, а потом еще год в школе, потом выпускные экзамены, за ними экзамены вступительные, в общем, сплошная нервотрепка. Помню, мама очень хотела поехать со мной куда-нибудь в теплые края, но на работе ей никак не давали отпуск. Работала она в издательстве, которое выпускало с десятков журналов с одним названием, но с разной спецификой. Например, «Калейдоскоп-астрал» сообщал о пришельцах, барабашках и прочей нечести, «Калейдоскоп-интим» – об отношениях мужчин и женщин, «Калейдоскоп-жизнь» – о бандитах, коопе-

раторах и политиках. Мама могла писать на любую тему, издательство считало ее чрезвычайно ценным кадром.

А я совсем не жалела о том, что застряла в городе. Еще в середине учебного года я записалась в секцию альпинизма и скалолазания. Горы увлекали меня не слишком, куда интересней оказалась новая компания.

Летом мы тренировались каждый день, а после тренировок ходили в кино или в парк, а чаще всего к кому-нибудь в гости. На середину июля были запланированы выезды в Карелию. Ну чем плохое лето?

Лишь одно обстоятельство огорчало меня и беспокоило. С первых дней в секции на меня положил глаз один из старичков-разрядников. То есть, конечно, это был молодой парень лет двадцати пяти, но мне, школьнице, он казался взрослым, бывалым. Я гордилась его таким явным ко мне интересом и отдавала себе отчет в том, что без этого интереса так и осталась бы девчонкой-новичком, которая тренируется в группе начинающих. Андрей же ввел меня в костяк секции. Меня стали брать на выезды, где старички, собравшись у костра, пели бардовские песни и говорили о своих важных взрослых делах. Ко мне обращались как к равной, как ко взрослой.

Только вот в чем была проблема: когда Андрей брал меня за руку, меня начинало немного мутить. Ладони у него всегда были влажные и холодные, сжимал он мои бедные пальчики, словно тисками, песни и разговоры мгновенно теряли для меня всякую привлекательность. Я начинала крутиться, как уж на сковородке, пытаюсь освободиться. А ближе к ночи вообще старалась убежать и спрятаться, потому что боялась, что ребята из лучших побуждений определят нас с Андрюхой в одну палатку.

В начале августа Андрей позвал всех старичков на свой день рождения. Из новеньких членов секции пригласили только меня и двух моих подружек. Девчонки были просто в восторге, я – так себе. Умом мне хотелось пойти, но тело ломало так, будто я заболела гриппом.

Моя мама всегда все замечала, но не спешила высказываться. На этот раз я так явно маялась, что мама наконец оторвалась от пишущей машинки и задала мне вопрос:

– Ну и чего ты страдаешь?

– Мама, – торжественно начала я. – Я хочу посоветоваться. За мной ухаживает один мальчик, то есть мужчина...

Лицо у мамы как-то затвердело, в глазах появилась тревога.

– ... но он мне совсем не нравится. Можно даже сказать, что он мне немножечко противен.

Тонкие мамины брови скрылись под завитками на лбу. Но тревога из глаз не исчезла.

– Он пригласил меня на свой день рождения. И я просто не знаю, что...

– Не ходить, – отчеканила мама.

– Но это как-то неудобно, – заволновалась я. – Он пригласил Риту и Нинку только ради меня, и, если я не пойду, девочки тоже не решатся. А потом, он достал мне снаряжение, просто подарил, и все, а теперь вот я не пойду...

– Что-то я не понимаю, – перебила меня мама. – Неужели какое-то снаряжение или даже твои подружки для тебя важнее твоей собственной судьбы?

– А что моя судьба? – изумилась я и даже пожалела, что затеяла этот дурацкий разговор. – Что такого со мной может произойти? Он же ничего такого мне не сделает...

– Очень на это надеюсь, – усмехнулась мама. – Но не забывай, что на праздниках принято пить горячительные напитки. Я также надеюсь, что у тебя хватит ума себя контролировать. Но знаешь, как сказал Лермонтов: все решает первое прикосновение. Ты можешь ослабить контроль, а он подойдет, обнимет тебя, поцелует, и тыобразишь, что это и есть твой прекрасный принц. Но через какое-то время страсть пройдет, а неприязнь никуда не денется. И ты возненавидишь тот день рождения, и своих подружек, и свою секцию. Но к тому времени

ты окажешься замужем за этим человеком и вдобавок – станешь матерью его детей. Вот что я могу сказать тебе по этому вопросу.

Мама снова с головой ушла в работу. А я осталась сидеть на диване, меня даже трясло от возмущения. Да как такое может быть, чтобы от одного прикосновения я вдруг полюбила Андрюху с его унылым лицом и влажными руками?! Лучше умереть! Может, и есть такие амебные натуры, которые могут растаять от прикосновения того, кто им противен. Но я к таким, слава богу, никаким боком не отношусь!

Минут через пять я поймала себя на том, что на языке вертится вопрос, не имеющий к данной теме никакого отношения. Это был вопрос о моем отце. Может, потому мама не говорит о нем, что у нее все так и получилось? Был неприятен, потом вроде полюбила, а потом вообще возненавидела? Но ведь мама родила меня совсем не в юном возрасте, взрослые люди не совершают подобных ошибок. Или совершают?

Об отце я спросила один-единственный раз, когда мне было лет девять или десять. Я долго думала, как задать вопрос, и получилось у меня следующее:

– Мамочка, как ты думаешь, мой... отец, он сейчас живет в нашем городе?

Слово «отец» я произнесла с заминкой, таким непривычным оно для меня было. Кажется, до того случая я ни разу не сказала его вслух. Про себя же – миллионы раз.

Мама накрывала в тот момент на стол, она коротко глянула на меня и ответила еще короче:

– Я не знаю.

Но я уже осмелела и поспешила со следующим вопросом:

– А... кто он вообще?

– Тебе назвать фамилию? – ровным голосом осведомилась мама. – Она тебе ничего не скажет. Так что не забивай себе голову.

– Но, мамочка, – заныла я.

– И имей в виду на будущее: всякий раз, когда ты будешь спрашивать меня об отце, я стану подозревать тебя в предательстве, – невозмутимо закончила мама и опустила на стол кастрюлю с борщом.

Я просто обалдела от таких слов:

– Почему в предательстве?

– Я буду думать, что жизнь со мной перестала тебя устраивать и ты начинаешь поиск новых вариантов. Иначе как еще объяснить, что тебя волнует имя человека, которого ты никогда в жизни не видела.

Иногда мама бывала просто невыносима. Когда у нее делалось вот такое отстраненное лицо, мне хотелось рыдать. Хорошо хоть, она была отходчива, и стоило заговорить о чем-то другом, мама будто оттаивала и становилась родной и веселой. Снова можно было общаться с ней, как с самой близкой подружкой, дурачиться и хохотать до слез. Но в этом таилась и некоторая хитрость: никогда не удавалось поговорить с ней о том, о чем она говорить не хотела.

Больше я об отце не спрашивала. Но думала о нем каждый день. Я создавала его портрет из тех черт, которые были у меня, но отсутствовали у мамы. Мама была невысокого роста – а я росла как на дрожжах. Волосы у мамы были светлые и пушистые – мои темнее и гуще. Мама терпеть не могла сладкое – а у меня, если за день не съем десятков конфет, могла начаться истерика. Мама прекрасно пела – меня с первого класса определили в художественную школу. Я решила тогда, что мой отец наверняка какой-нибудь известный художник, и с тех пор не пропускала ни одной художественной выставки. В моей комнате над кроватью висел портрет отца, созданный мной методом вычитания маминой внешности из моей. Правда, портрет этот

был как бы невидимкой: он прятался за фотографией двух играющих котят в металлической рамке.

Иногда, когда мы шли с мамой по улице, я представляла, что с другой стороны идет мой отец. Я сжимала свободную ладонь так, как будто держала его за руку. И воображала, что родители поссорились перед выходом из дома, и теперь, чтобы не огорчать меня, молчат или разговаривают со мной поочередно. Я отвечала на мамин вопрос, а потом поворачивалась к отцу, подмигивала, улыбалась и разговаривала с ним одними губами. Наверное, прохожие принимали меня за идиотку, потому что иногда я ловила их сочувственные взгляды.

И еще я ждала. Каждый день, когда подходили к концу уроки, я представляла, что сейчас спущусь в раздевалку, там ко мне подойдет мужчина с удивительно знакомым лицом и скажет: «Сима, я должен тебе кое-что сказать. Пойдем посидим на скамеечке в сквере».

В то время нам еще не так упорно внушали, что нельзя разговаривать с незнакомыми людьми. Да и маньяков, на мое счастье, было гораздо меньше. С годами, конечно, тоска по отцу перешла в другое качество. Я все чаще стала думать о нем с досадой. Ведь, как ни крути, он бросил меня и маму. И до сих пор так и не удосужился меня отыскать.

После обеда маму вызвали на работу. За ней в срочном порядке примчалась редакционная потрепанная «Нива». Уж не знаю, что такого произошло в стране – очередной путч или Ельцин отмочил какую-нибудь штуку. После ее ухода мне стало совсем тоскливо. В голову полезли мысли о том, что я, наверное, какая-то не совсем полноценная женщина. Например, моя подруга Нинка всегда говорила торжественно: «Я полюблю того, кто полюбит меня! И плевать на его внешность, главное, чтобы человек был хороший». Вот это мне казалось истинно женской позицией. А у меня что? Одни капризы. Еще через полчаса мне начали названивать подружки, взволнованные вопросом, пойду ли я на день рождения к Андрюхе. Особенно волновалась Нинка. Недаром я подозревала, что ей понравился какой-то парень из секции.

С Нинкой мы дружили с первого класса. Она была смешной девчонкой, немного похожей на бурундучка. Вроде и не толстая, но пухлые щечки торчали, будто за ними было что-то припрятано. Маленький носик совсем проваливался между ними, а большие темные глаза выглядывали из-за щек, как два солнышка из-за холмов. Из-за щек Нинку постоянно дразнили, и когда она сидела за партой или за столом, сильно сжимала щеки ладошками, будто хотела придать им более симпатичную форму.

Нинка была самой доброй девочкой на свете, к тому же отличница и гордость школы. Имея такую подружку, как она, можно было вообще не учить уроки. Но меня волновало Нинкино будущее. Я понимала, что ей не так просто будет встретить человека, который полюбит ее. За себя-то я не беспокоилась: знала, что мое счастье где-то на подходе. Но я поклялась себе, что, даже если рано выйду замуж, все равно не оставлю Нинку и постараюсь найти ей кавалера. Вот почему, услышав в трубке взволнованный Нинкин голосок, я решила пойти на день рождения.

Ох, лучше бы я отключила телефон и залезла с книгой в постель! Идти пришлось сначала через весь город, потом пересечь железнодорожные пути и топать еще минут двадцать по бездорожью. Конец лета выдался сухой и горячий, стоило сойти с асфальта – земля разлеталась под ногами облачками пыли. Пыль оседала везде, даже на языке. В мои новенькие туфли на вполне солидном каблучке очень скоро набились песок и камни, ступни саднило, будто с них содрали кожу. Рита свалилась в овраг и теперь оплакивала свое выходное платье с дыркой на бедре. И что самое удивительное, винила во всем меня, потому что в момент ее падения я как раз передавала слова о первом прикосновении, и подружки громогласно не соглашались с Лермонтовым и моей мамой.

Наконец, мы вышли к дому Андрея. Подружки, оказывается, здесь прежде бывали, я же оказалась в гостях в первый раз. Я даже не подозревала, что Андрюха живет в собственном доме с забором и огородиком, аккуратно поделенном на участки и засеянном всякими неведомыми мне растениями. Нас вышли встречать его родители, совсем пожилые: худенькая мама в платочке и отец в тельняшке и болотных сапогах, многословный и суетливый. Проводили в дом, маленький, тесный, словно игрушечный. Андрюха на кухне жарил мясо, при виде меня он сильно покраснел, что вообще-то случалось с ним не часто.

И вот удивительная вещь: девчонок посадили в комнате и дали им альбомы с фотками, а меня сперва заставили чистить картошку, а потом накрывать на стол. Почти все время, пока я трудилась, Андрюхина мама не спускала с меня глаз, бродила за мной по пятам, что-то шептала себе под нос и часто протирала глаза кончиками платка. Может, они у нее слезились или мои неловкие телодвижения вгоняли ее в отчаяние. А отец – так просто крутился вокруг меня, неловко подшучивал и пару раз постучал мне по спине рукой, как будто обухом огрел. В общем, через полчаса меня трясло от злости, ложки и вилки так и валялись из рук. Хорошо еще, стали собираться ребята. Когда сели за стол, Андрюха тут же оповестил:

– Это Симочка стол накрывала. И кое-что даже сама готовила. Не слишком уверенно справлялась, но мы работаем над этим.

Все посмотрели на меня такими понимающими глазами, что мне захотелось чего-нибудь разбить. Конечно, когда какое-то блюдо оказалось пересоленным, все тут же стали подшучивать надо мной и спрашивать со значением в голосе, в кого это я влюблена. Хотя к этому блюду я вообще не имела никакого касательства. Андрюхин отец притащил и водрузил в центр стола огромную бутылку с деревянной затычкой и узором из паутины. Сперва выпили за новорожденного единственную бутылку дефицитного шампанского, а потом навалились на эту бутылку. К счастью, там оказался не самогон, как я по неопытности подумала, а ягодная настойка, сладковатая, приятно пощипывающая язык. Я тут же забыла наставления мамы, что один бокал надо растягивать как можно дольше и ни в коем случае не пить до дна. Я лихо осушила один, потом другой и с удивлением отметила, что настроение стало если не праздничным, то хотя бы не таким мрачным.

– Надо закусывать, Сима, – подсказал чей-то голос у меня над ухом.

Я прищурилась на тарелку с вареной картошкой, которая расплывалась у меня в глазах. И вдруг – о ужас! – заметила, что одна из картофелин лежит на блюде наполовину в мундире. Как хорошо, что я заметила ее первая, иначе не избежать бы мне новой волны насмешек. Воровато оглянувшись, я нацелилась на картофелину вилкой, наколола и перетасила на свою тарелку. В следующий момент, чтобы окончательно скрыть следы преступления, я запихнула ее в рот целиком.

Глаза вылезли из орбит, щеки оросились слезами. Картофелина оказалась раскаленной изнутри, кроме того, мне стало ясно, что я не смогу разжевать ее, не выплюнув частично на тарелку. Вот будет стыдобища! Я судорожно сглотнула – и проклятая картофелина встала мне поперек горла. Воздух в легких закончился. Я вскочила и бросилась во двор.

В какой-то миг мне показалось, что я непременно задохнусь и умру посреди зеленых насаждений. Я согнулась пополам, зашлась в судорожном кашле – и гадская картофелина вылетела на дорожку. Из последних сил я поддала ей ногой, отсылая под ближайший кустик, и присела на ступеньку дома, стирая с лица и шеи испарину. Ноги дрожали так, что стукались коленки.

– Что случилось? – Кто-то склонился надо мной. Конечно, это был Андрей. – Плохо стало?

– Да, замутило что-то, – прохрипела я. – Немного посижу и вернусь.

– Я тебя не оставлю, – возразил Андрей с таким торжественным тоном, будто речь шла о всей оставшейся жизни. И уселся рядом со мной. Удивительно, как это некоторые люди не

понимают, что в их внимании совсем не нуждаются. – Слабенькая ты у нас, – нежно вглядываясь в мое лицо, вздохнул Андрей. Хорошо хоть, не сказал «у меня». – Тебе надо побольше на воздухе бывать.

– Ну, я и бываю. В походах.

Андрей издал еще один затяжной вздох.

– Знаешь, я так счастлив, что ты сегодня пришла ко мне. Я все время думал о том, что, если тебя не будет, я напрасно затеял этот праздник.

– А почему меня могло не быть? – Я даже изобразила на лице некоторую обиду. Не совсем искренне, должно быть, получилось.

– Ну, ты городская девчонка, – сказал Андрей с таким выражением, будто не жил в двадцати минутах ходьбы от нашего городишки, не слишком-то и великого. – У тебя мама – известная личность, в газетах печатается. И вообще...

– Что – вообще? – жадно спросила я. Было безумно приятно услышать, что в глазах Андрея я выгляжу какой-то заметной величиной, малодоступной вершиной. Прежде такое не приходило мне в голову.

– И вообще ты – отличная девчонка, – печально закончил Андрюха.

– А зачем ты сказал своим родителям, что я чуть ли не твоя невеста? И они все время ходили за мной по пятам.

– Потому что мне очень нужно было в это поверить, – тихо произнес Андрей и положил руку мне на плечо.

Я хотела немедленно вскочить, но по необъяснимой причине не сделала этого. Мне вдруг стало до слез жалко Андрея. За то, что он такой нескладный и некрасивый, за то, что его мама ходит в старушечьем платочке, за то, что живет он в таком странном доме с удобствами во дворе. Жалость мешалась с тошнотой, и все это вместе создавало странное ощущение, кружившее мне голову. Я осторожно прислонила голову к острому плечу Андрея. В тот же миг он рывком посадил меня к себе на колени и прильнул к моим губам. Поцелуй продлился не слишком долго, – секунде на шестой я начала трепыхаться, а потом вскочила на ноги. От поцелуя губы и язык немедленно повязало, как от какой-то болотной ягоды. Мне ужасно хотелось вытереться рукавом, но было неудобно делать это на глазах у Андрюхи. И я шаткой походкой побрела к забору.

– Куда ты?! – крикнул он изумленным голосом.

– Мне нужно домой, – забормотала я, вдруг испугавшись, что так легко уйти мне не удастся. – Меня мама ждет, я ее не предупредила. В общем, я ухожу.

– Я провожу тебя, – произнес Андрей голосом, не допускающим отказа.

Одним прыжком он догнал меня, положил мне руки на плечи, не давая проскочить в калитку. Я осторожно вывернувшись, обеими руками вцепилась в щеколду.

– Ладно, только мы очень быстро пойдем, почти побежим, хорошо?

– Подожди, ты так пришла, в одном платье? – снова остановил меня Андрей.

– Ну да, конечно.

– Нет, нельзя так идти, становится прохладно. Подожди, я принесу тебе что-нибудь теплое.

– Хорошо-хорошо, – закивала я. – Подожду.

Но едва Андрей скрылся в доме, я рванула к калитке, рывком распахнула ее и бросилась бежать. С обеих сторон сплошняком потянулись заборы, напрасно я высматривала, куда бы свернуть. Я испытывала в тот момент такой ужас, будто убегала от шайки преступников, а не от парня, который всего-навсего собирался проводить меня до дому. Если бы за спиной я услышала его шаги, наверное, начала бы кричать.

Наконец, через узкий прогал между двумя домишками удалось перебежать на соседнюю улицу, если вообще можно было назвать улицей раздолбанную колею, обильно орошенную

помоями. Я шагала по ней не разбирая дороги, и лицо мое пылало так, что ломило в висках. Хотелось остановиться и немного порыдать. Меня угнетало, что первый взрослый поцелуй достался чужому и нелюбимому, и еще то, что теперь, наверное, придется покинуть секцию. Никогда больше я не желала видеть Андрея! Только минут через десять я заподозрила, что что-то не так: домишки не кончались, города не было видно. Я поняла, что бегу в неправильном направлении.

Ну, так и есть: впереди показалась кладбищенская ограда, и в этот самый миг за спиной откуда-то издалека тоскливо проныла электричка. Я повернулась и понеслась назад, опасаясь, что где-нибудь у железнодорожных путей меня дожидается Андрюха.

Нет, повезло, и до города я добралась, и на этого типа не напоролась. Но, боже, в каком я была виде и состоянии! Хмель, слава богу, выветрился под влиянием стресса, но остались свинцовая тяжесть в ногах и противный звон в голове. Ступни мои были разбиты до костей, у правой туфли оборвался ремешок, и теперь она падала с ноги, так что приходилось двигаться совсем маленькими шажками. А до дома было еще с полчаса ходьбы. Приду я туда к началу одиннадцатого, у подъезда будет снова сидеть компания с гитарами, мимо которой небезопасно ходить и днем...

– Девушка, вы что, ногу подвернули? – окликнул меня кто-то из-за угла дома.

Я оглянулась, но увидела только высокий темный силуэт, потому что в торце дома горел фонарь.

– Еще чего, нет, конечно, – ответила оскорбленно, и тут же правая ступня у меня подвернулась, я преобильно ударилась косточкой об асфальт. Взвизгнула от боли.

Незнакомец приблизился ко мне:

– Давайте я вас провожу. Опирайтесь на мою руку.

Теперь я хорошо рассмотрела парня лет двадцати с небольшим, довольно высокого, в джинсовой куртке. И лицо его, узкое, бледное, с широкими планками бровей и очень черными, прямо-таки угольными глазами. Впрочем, так мне могло показаться в темноте. Незнакомец смотрел на меня и улыбался. Мне захотелось соврать что-нибудь этакое насчет своей хромоты, но в голову ничего не пришло, и я сказала правду:

– Ноги разбила, идти тяжело.

– Давайте посмотрим ваши ноги, – сказал парень, опустился на корточки и потянул меня за ладжку.

Пришлось вытащить ступню из чертова испанского сапожка, который еще утром был очаровательной туфелькой. Незнакомец водрузил мою ногу себе на колено, вытащил откуда-то носовой платок и ловко разорвал его на две половины. Потом накрутил вокруг моей ступни что-то вроде портянки и аккуратно упаковал обратно в туфлю. То же самое он проделал с другой ногой и распорядился:

– Ну, теперь шагните!

Я неуверенно сделала пару миниатюрных шажков и пришла к выводу, что идти стало легче. По крайней мере, открытые раны не соприкасались с ремешками.

– Спасибо, лучше, – доложила я.

Парень поднялся на ноги, придирчиво поправил складочки на брюках.

– И все-таки я вас провожу, – решил он, – а то вы выглядите как какой-то подранок. К вам, пожалуй, любой захочет прицепиться.

Я хихикнула. Что ж, хоть один приятный комплимент за этот ужасный день. Когда подруги начнут долбить меня насчет Андрюхи, я расскажу им про прекрасного незнакомца. Можно будет даже приврать, что он какое-то время нес меня на руках.

Парень протянул мне руку, и мы пошли вдоль освещенного проспекта, насквозь прошивающего наш маленький городок.

– Как вас зовут? – через минуту спросил спутник.

– Сима, – поспешила ответить я, польщенная тем, что незнакомец не только оказал мне экстренную помощь, но еще и именем моим интересуется.

– А полное имя как – Симона?

– Откуда вы знаете? – поразилась я. – То есть, конечно, по паспорту я Серафима. Но мама всегда говорит, что на самом деле она хотела назвать меня Симона, только в ЗАГСе ее слушать не захотели.

– Ну, главное, как вы сами себя называете, – сказал парень. – А я – Марк. Тоже не самое распространенное имечко.

– Да уж, – согласилась я. – Впервые в жизни слышу.

Мы еще немного прошли молча, потом Марк спросил, чем я занимаюсь. И тут меня понесло.

– Учусь в университете, – с независимым видом сообщила я. – На филологическом. А сюда приезжаю к маме.

Вообще-то я действительно собиралась через год поступать в университет. Даже записалась на подготовительные курсы. Наверное, причиной тому был высокий рост, но меня часто принимали за студентку. Сказать правду в тот момент мне показалось стыдно: мой новый знакомый и так был настроен в отношении меня довольно иронически.

– Ух ты! – искренне восхитился Марк. – Завидую.

– А вы где учитесь? Или уже работаете?

– В этом году закончил Герценовский, поступил в аспирантуру.

«Обалдеть, учитель!» – внутренне хихикнула я. Интересно, что преподает. В нашей школе учитель-мужчина был всего один, и тот физкультурник.

– У меня тут тоже родители. Правда, я с ними не живу, приезжаю на побывку. Когда время есть.

– А у меня мама работает в Питере. Ездит туда почти каждый день. Она работает в газете, – продолжила разливаясь я. – Может, слышали – Фаменская?

– Слышал, конечно, – кивнул Марк. – Очень серьезные статьи пишет ваша мама. Заставляют задуматься.

Я только успела обрадоваться, как мой спутник замолчал, глянул рассеянно на часы. Может, ему уже наскучило со мной разговаривать?

– Ой, вы только не подумайте, что я в университет поступила по блату, – вдруг спохватилась я. – Мама мне нисколько не помогала.

– Да что вы, Сима, я ничего такого и не думал.

Эта моя реплика тоже имела правдивую подоплеку. Мама предупреждала, что в первый год я буду поступать сама. Это будет, так сказать, проба сил. Вот если не получится, тогда в следующем году она подумает, как мне помочь. Но я, конечно, была уверена, что поступлю сама, с первого раза. Подумаешь, университет!

Впереди показалась темная громада нашего дома. И вдруг мне стало отчаянно жаль, что мы с Марком сейчас распрощаемся и вряд ли я когда-нибудь увижу его снова. Я стала лихорадочно соображать, как бы его задержать еще хоть на пару минуток.

– А у нас там орава под домом сидит, очень агрессивная, – сообщила я. – Можете посмотреть, чтобы за мной никто не увязался в подъезд?

– Я вас даже до лифта провожу, – ободрил меня Марк.

Мы свернули во двор. Как назло, сегодня никто не брэнчал под окнами, скамейка пустовала.

– Путь свободен, можете не провожать, – с тяжким вздохом рапортовала я.

– Все равно, давайте дойдем вместе.

Мы сделали еще пару шагов и остановились под навесом нашего подъезда. Меня, конечно, и прежде провожали домой молодые люди, и момент прощания у дверей всегда был самый мучительный. Ведь неприятно, когда человек от тебя чего-то ждет, заглядывает в глаза, берет за руку, а ты переминаешься, как дура, с ноги на ногу и думаешь, что бы такое соврать, лишь бы улизнуть поскорее домой. А сегодня я сама стояла столбом и никак не могла себя заставить шагнуть в подъезд. Мне вдруг ужасно захотелось, чтобы Марк меня поцеловал. Тогда бы этот поцелуй уничтожил воспоминание о предыдущем, таком отвратительном. Но Марк просто стоял и смотрел на меня с вежливой улыбкой. Тогда я сделала последнюю решительную попытку.

– Может, вы хотите чаю попить? – выпалила я. – А то мамы все равно сейчас нет дома.

– Спасибо, Сима, – ответил Марк. – Но меня дома уже ждут родители. Передайте вашей маме, что встретили поклонника ее таланта.

– Ну, до свидания. – Я схватилась за ручки двери и решила зарыдать сразу, как только окажусь в подъезде.

– Подождите, Сима, – вдруг окликнул Марк. – А вы не хотите завтра сходить со мной в парк?

– В па-арк? – протянула я. – Ну, не зна-аю. Если хотите, давайте завтра встретимся часов в пять. И я вам скажу, свободен ли у меня вечер.

– Договорились, – весело произнес Марк. – Спокойной ночи, Сима.

Уже не помню, как я влетела в квартиру. Остановилась у зеркала в прихожей, глянула на свое пылающее лицо, на волосы, почти стоящие дыбом, – и схватилась за голову. Боже, за один вечер я нарушила все мамины запреты! Целовалась с нелюбимым мужчиной, шла одна в темноте, пригласила в дом совершенно незнакомого человека. Который, заметим, совершенно этого не хотел. Марк, наверное, сейчас хохочет над моими дурацкими уловками. Ну и наплевать.

Я с трудом доковыляла до ванны, сунула под струю воды ноги вместе с ошметками носового платка, уже успевшего прилипнуть к ранам. Плеснула прохладной водой в лицо, – щеки, кажется, так и зашипели. Вот теперь, казалось бы, можно было поплакать. Я страдальчески искривила рот, но слезы почему-то не полились. Возможно, я просто слишком устала.

«А ведь все не так уж плохо, – промелькнула мысль. – Завтра я увижу Марка. Может, мне удастся выглядеть взрослой, умной и приличной девушкой».

С этой мыслью я добрела до своей комнаты, натянула ночнушку, рухнула в постель – и тут же провалилась в небытие.

Среди ночи меня разбудил привычный шум в прихожей. С трудом удерживаясь на шаткой границе между сном и явью, я слушала, как в прихожей мама скидывает босоножки (они так и стукнули об пол) и бросает на шкаф сумочку. Потом раздались торопливые шаги, легкий скрип отпираемой двери – и вот уже мама склоняется над моей кроватью, ощупывает ладонями одеяло, как будто желает убедиться, что я на месте.

– Что случилось, мама? – не открывая глаз, бормочу я.

– Ничего, солнышко, – шепотом отвечает мама. – Просто я по дороге домой вдруг очень испугалась, что ты все-таки пошла на праздник и с тобой там случилось что-то плохое.

– Ничего не случилось, мамочка. Все было просто замечательно, – успела сказать я и тут же заснула снова.

А на другой день с раннего утра начался «миллион терзаний». Во-первых, страшно болела голова. Во-вторых, я вдруг совершенно потерялась и не знала, что мне надеть на свидание, и, главное, как вести себя с Марком. Я даже пожалела, что он не назначил мне свидания, скажем, на завтра. Тогда сегодня у меня был бы день счастливого предвкушения, а так – одна маета.

И волосы я пересушила, теперь они торчали во все стороны, как перезрелые колосья. И старая обувь никуда не годилась, а о новой после вчерашнего не могло быть и речи. В общем, к тому времени, когда нужно было выходить из дому, я уже была совершенно вымотана. К тому же у меня, кажется, начиналась простуда.

Но больше всего меня беспокоила собственная внешность. Вообще-то я была похожа на маму. Но мама была так красива, что мужчины на улице иногда бросались за нами вдогонку, чтобы еще раз заглянуть в ее лицо. А я особой популярностью среди одноклассников не пользовалась. Правда, иногда со мной заговаривали мужчины на улице, но подруга Нинка со знанием дела заявляла, что со всеми заговаривают, даже с самыми уродками. Андрей по большому счету был первый, кто всерьез обратил на меня внимание.

– Это потому, что у твоих одноклассников вкус еще не сформировался, – объясняла мама. – Их выбор падает на девочек, так скажем, однозначно хорошеньких, то есть стандартных. Да и то лишь один-двое из ребят делают выбор сознательно, остальные присоединяются за компанию. А ты у меня, слава богу, – штучная работа. Индивидуальный пошив.

Наверное, мама знала, о чем говорила: когда-то после школы она поступала в театральный институт, и ей там отказали с формулировкой: «Несоветское выражение лица». Честно говоря, я предпочла бы быть «однозначно хорошенькой», лишь бы каждый день ловить на себе восхищенные взгляды. Теперь меня терзала мысль: достаточно ли сформировался вкус у Марка? Проще говоря, понравлюсь ли я ему сегодня, умытая и при свете дня?

«Надеюсь, он просто не придет, – бормотала я себе под нос, отправляясь к месту встречи. – Тогда можно будет вернуться домой и забраться под одеяло».

Но Марк пришел. Я увидела его издалека. Он скромно стоял и держал в одной руке букет каких-то очень симпатичных цветочков, а в другой – раскрытую книгу. Я посмотрела на часы и обнаружила, что пришла слишком рано. Что ж, постою здесь, отдышусь немного. Тут Марк тоже глянул на часы, убрал книжку в карман плаща и стал смотреть по сторонам. Меня словно подтолкнули в спину, и я пошла к нему навстречу, пытаюсь не расплыться в улыбке.

Марк улыбнулся мне так радостно, будто мы с ним были старыми приятелями. Протянул цветы:

– Ну что, Сима, располагаете временем?

Я кивнула.

– Так пойдемте в парк. В городе нечем дышать.

Мы пошли в парк и гуляли там часа четыре. Позднее я не могла вспомнить, о чем мы говорили. Кажется, обо всем и ни о чем одновременно. Я не знаю, из каких фраз, из каких взглядов родилась любовь. Но точно знаю, что влюбилась в Марка именно тогда, в парке, хотя в этот день он не жертвовал для меня своим платком и вообще не совершал ничего героического. Но когда я начинала думать о том, что и эта встреча закончится, я чувствовала грусть.

И вдруг начался дождь, первый дождь за несколько месяцев. Стало ясно, что пора расходиться по домам. Мне было наплевать на дождь, я могла бы бродить по парку еще сколько угодно. Но, уже обученная взрослым хитростям, я заставила себя ахать и буквально тащить Марка к выходу.

Зонта у нас конечно же не было. На выходе из парка Марк купил газету и держал ее над моей головой. Это не имело смысла, потому что я уже промокла насквозь, но было очень приятно.

– Хочешь, зайдем ко мне в гости, – вдруг предложил Марк. – До моего дома – пять минут быстрого хода. Познакомлю со своими родителями. Они милейшие люди, вы наверняка найдете общий язык. Заодно согреешься и попьешь чаю.

– А кто твои родители? – спросила я, разрываясь между желанием продлить наше общение и нежеланием появляться в чужом доме в образе мокрой курицы.

– Ну, отца моего ты, может быть, знаешь, – как-то загадочно ответил Марк.

– Откуда? – воскликнула я и махнула рукой, отметая возможное предположение. – Наверняка не знаю.

– Ты когда-нибудь лежала в больнице? – спросил Марк. – В нашей, городской?

Я немного подумала и вспомнила, что во втором классе меня прямо из школы отвезли в больницу с острым аппендицитом. Я пролежала в хирургическом отделении две недели. Тогда в больнице был карантин, но мама как-то ухитрилась пробираться ко мне в палату. Приходила она, нагруженная пакетами, потому что другие родители отдавали ей передачи для своих детей. И оттого, что моя мама носила передачи, в палате я пользовалась невиданным авторитетом...

Но говорить Марку о такой неромантической болезни мне показалось неудобным, и я просто кивнула.

– Главврача помнишь? Так вот, это и есть мой отец. Может, вы с ним даже неплохие знакомые.

Я, конечно, сразу вспомнила главврача, который меня и оперировал, а потом наблюдал после болезни. Мысленным взором я увидела высокого усталого человека с темными, как у Марка, волосами и круглыми очками на носу. Он заходил в нашу палату рано утром, будил нас вопросом: «Ну, девочки, чем сегодня меня обрадуете?»

И мы тут же начинали наперебой его радовать, потому что доктор нам всем очень нравился. Он был добрый, терпеливый, словом, такой, каким по нашему представлению и следовало быть доктору. И еще: он был похож на моего отца, на моего воображаемого отца. Глядя на него, я даже забывала про портрет, который прятался за котятами. Мне вдруг сделалось неудобно перед Марком, как будто я положила глаз на что-то, принадлежащее только ему. И я спросила поспешно, стараясь скрыть смущение:

– А кто твоя мама?

– Наша мама не работает, – ответил Марк, и удивительная нежность появилась в его голосе. – Она домохозяйка.

Тут я снова удивилась: все женщины, которых я знала, где-нибудь да работали. Нет, поистине семья Марка была полна сюрпризов.

– Так пойдешь? – спросил Марк и скомкал насквозь промокшую газету.

– Нет. – Я потрясла головой. – В другой раз, ладно?

На самом деле я просто струсилась. А вдруг врач узнает меня и скажет, к примеру: «Ну-ка, Сима, покажи свой шовчик». И я тут же скончаюсь на месте от стыда. Или еще хуже: вдруг доктор помнит, сколько мне лет, и спросит при сыне: «И когда это ты успела окончить десять классов, деточка?»

Теперь я знаю: если бы я тогда зашла в гости к Марку, все бы в нашей жизни сложилось по-другому. Вот только не знаю, как именно.

Прощаясь с Марком на том же месте, под навесом нашего подъезда, я не знала, встретимся ли мы еще раз. Я просто дала ему свой телефон и предложила как можно более равнодушным голосом:

– Звони, когда захочешь, мы с мамой поздно ложимся спать.

Я знала одно: отныне я влюблена. С этой любовью я буду жить, с ней, возможно, и умру. Даже если Марк никогда мне не позвонит.

Но он позвонил на следующий вечер. Потом мы стали встречаться каждый день, потом еще созваниваться, едва Марк успевал дойти от моего дома до своей квартиры...

Приближался новый учебный год, и я все чаще с ужасом задумывалась, как сказать Марку, что я – всего лишь десятиклассница. Днем, встречаясь с ним, я об этом начисто забывала, а по ночам просыпалась в холодном поту. Зачем, зачем я его обманула при первой встрече?! Но разве могла я тогда подумать, что эта встреча окажется самой главной в моей жизни? А теперь, когда все между нами так трепетно, так воздушно (тут я начинала немного

задышаться), вдруг взять и признаться, что я уже целый месяц морочу ему голову? А вдруг Марк развернется и уйдет? Такого я просто не переживу!

Я начинала перебирать в уме возможные варианты дальнейшего обмана. А что, если вовсе не говорить Марку про школу? Я могла бы после уроков ездить в Питер. А потом сказать, например, что меня отчислили из универа. Нет, невозможно так завираться, да и как я буду ездить в Питер каждый день! Так я, пожалуй, вообще школу не окончу. И я назначила признание на первое сентября. В этот день мы с Марком договорились встретиться вечером, отметить начало учебного года. Я решила, что приду на свидание в школьной форме, а там будь что будет!

Утром первого сентября мама разбудила меня пораньше: за ней уже прибыла машина. Мама не без оснований опасалась, что я ухитрюсь проспять начало занятий. Она заставила меня сползти с кровати и умыться. Когда взгляд мой сделался осмысленным, мама поцеловала меня и напомнила, что с сегодняшнего дня у меня начинаются занятия на подготовительных курсах университета.

– Старайся, Сима, – сказала мама, надевая в прихожей плащ, потому что со дня нашего с Марком первого свидания дожди шли в нашем городе почти каждый день. – Ты уже вышла на стартовую прямую. Надеюсь на твое здравомыслие.

Я покивала, как болванчик, и рухнула обратно в постель, как только мама вышла за дверь. Проснувшись через полчаса с ужасной мыслью, что сегодня решающее свидание с Марком. Вот тогда я действительно вскочила и принялась отпаривать плиссировку на своем выдавшем виды школьном платье.

На школьный двор я примчалась к концу линейки. Классы с первого и до выпускного уже в организованном порядке двинулись в сторону школы. Наша директриса Раиса Григорьевна с незатейливым прозвищем Горгона стояла в дверях и улыбалась такой улыбкой, что слабонервные первоклашки тут же спотыкались. При этом она плотоядно шевелила губами, наверное, поздравляла учащихся с самым радостным днем в их жизни.

– Опять растрепанная, Фаменская, – сияя улыбкой, поприветствовала она меня. – Перепутала школу с пляжем? Если завтра не заплетишь косы, сниму с уроков и отправлю в парикмахерскую.

– Здравствуйте, Раиса Григорьевна, – бодро отозвалась я, а за спиной директрисы изобразила приступ гомерического хохота. В парикмахерскую она меня отправит, как же! Не старые времена!

Первые два урока пролетели незаметно. Учителя говорили что-то свое, а я в это время приветствовала своих одноклассников, особенно тех, кого не видала с начала каникул. Сама себе я казалась ужасно взрослой, как будто и впрямь отучилась год в институте, а теперь забежала навестить старую школу. На мальчишек наших я теперь вовсе не смотрела, только жалко их было до слез. Неужели этих раздолбаев когда-нибудь полюбит какая-нибудь девочка? Ведь они не идут ни в какое сравнение с Марком.

Третий урок был алгебра, и у меня заранее разболелся от страха живот. Ну хоть убейте, не была я создана для математической премудрости! Тащила из класса в класс только благодаря Нинке. Особенно ужасно стало, когда алгебру и геометрию взялась вести сама директриса. Собственно, именно после этого между нами и установилась молчаливая ненависть. Вернее, только с моей стороны молчаливая. Сейчас войдет в класс Горгона, наставит на меня окуляры своих очков и завопит на всю школу:

– Попова (это Нинка) – на заднюю парту, Фаменская – на переднюю, рядом с моим столом! Место рядом с ней никому не занимать! Переложите книги – и живо к доске! Услышу хоть одну подсказку – двойка в журнал!

Со звонком дверь в класс действительно открылась – и вошел Марк. Я примерзла к стулу. Мелькнула невероятная мысль: Марк пришел, чтобы спасти меня от Горгоны. Ведь я столько раз рассказывала ему, какая она ужасная и как меня достает. Правда, рассказывала-то я в прошедшем времени... А может, Марк узнал, что я учусь в школе и пришел спросить, зачем я его целый месяц обманывала?

– Встань, Симка! – Нинка перегнулась через парту и дернула меня за рукав.

Я с удивлением заметила, что она стоит и все остальные ученики тоже стоят у своих парт, как будто в класс вошла сама Раиса Григорьевна. Сидела только я.

– Это новый учитель, – старательно шевеля губами, телеграфировала мне Нинка.

Не глядя на подругу, я повертела пальцем у виска. Потом встала и пошла навстречу Марку.

Да, но почему он так странно одет, не в футболку с джинсовой курткой, как обычно, а в строгий серый костюм с полосатым галстуком? И почему под мышкой сжимает наш классный журнал? Марк тоже заметил меня, но ничем не проявил своего изумления. Просто стоял и наблюдал за моими передвижениями. Что-то стало проясняться в моей голове. Опомившись, я бросилась за свою парту. А Марк прошел к учительскому столу. Сделал знак рукой, и все сели. Меня силой усадила Нинка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.